

УДК 35.075.5

**РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИСТОРИИ В УПРАВЛЕНИИ
ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ ДОНБАССА**

В.И. Мозговой

Донецкий национальный технический университет

В статье определяется смысл языковой истории Донбасса, которая позволяет прогнозировать его дальнейшее развитие на принципах внешней экономической свободы и культурно-языковой незамкнутости. В связи с этим подвергается сомнению действующая методика управления унитарной Украины Донецким регионом, которая не соответствует внутренним мотивам самоорганизации новой этнопсихологической общности донбассовца и катализирует внутренние конфликты во всем государстве.

При анализе тех или иных общественно-политических процессов, происходящих в переломные эпохи и кардинально влияющих на социум, чаще всего обращаются к последовательности значимых фактов и событий, инициируемых личностями. Оценка их роли в истории якобы напрямую зависит от результатов проводимой ими внешней и внутренней политики [1].

При этом объективность созидательных порывов народных масс, которые априори должны соответствовать социальной стратегии развития цивилизации, сужается до размеров субъективной воли или прихоти авторитарной личности. Социум как высший смысл и результат существования цивилизации превращается в абстрактного статиста, испытывающего мощный пресс личностных перегрузок, и становится объектом манипуляций с ним вождей разного уровня. К этому неутешительному выводу подталкивает парадоксальная история «развития» Донбасса в составе независимой Украины – могучего в промышленном, экономическом и культурном отношении региона, разрушенного волей высшей политической элиты в ходе так называемой АТО.

Но парадоксы позитивного выхода, кажется, из безвыходного для региона положения находят свое продолжение в новейшей истории Новороссии, дух которой не смогла сломить эскалация военных действий, проводимых ВСУ на ее территории. Наоборот, они подготовили почву для разрушения самой военно-феодальной модели управления в Украине. Новые ростки созидания в «самопровозглашенных» ДНР и ЛНР даже в условиях войны

оказались действеннее и прочнее, нежели необузданный и ничем не оправданный диктат «законной» киевской власти, которая живет от Майдана до Майдана и уже не способна управлять страной без силы армии, внешних «подсказок» и финансовых вливаний.

Впрочем, эти парадоксы вполне объяснимы, если в их оценке опираться не на политическую интерпретацию истории, а на понятие языковой истории, абсолютно разной для власти и населения. Первые оперируют историей личностей, превращая ее из объективной реальности в субъективный способ интерпретации выборочных фактов и событий, а вторые – историей, фиксируемой в языковом сознании народа (фольклоре, именах собственных, литературе, жаргонах, диалектах, языках национальностей и т.п.).

Под языковой историей мы будем понимать процесс формирования национального языка как средства общности народа [4], воспитанного в устойчивых и многократно повторяющихся ситуациях контактного общения разнообразных культур, которые осуществляют свою жизнедеятельность в определенных исторических реалиях и создают фундаментальные предпосылки для выработки общей философии и психологии, методологии оценки окружающей действительности и методики поступков и действий конкретного социума и конкретной языковой личности.

В этом смысле языковая история Донбасса уникальна. Первично она была связана не с природно-географическими условиями (высокой концентрацией полезных ископаемых в пределах Донецкого горного кряжа), но прежде всего с экономическими отношениями между Востоком и Западом на пересечении торговых интересов так называемого Великого Шелкового пути. Уже с этих пор начали складываться предпосылки для формирования представления о Донбассе как о символическом симбиозе духа свободы населяющих его народов, преодолевших внешнюю ограниченность и шагнувших на просторы внутренней свободы и развития. Территория Донецкого кряжа все более утрачивала свой природно-географический смысл и приобретала этнопсихологический пафос – как явление со специфической языковой историей, простирающейся до безграничных просторов великого Дикого поля.

Донецкий край, олицетворяя степную вольницу, притягивал к себе огромные людские ресурсы из сопредельных регионов, государств и территорий [6]. Постоянно пульсирующая апоссионарная среда требовала новых и новых толчков для развития языковой истории, измеряемой годами, столетиями и тысячелетиями в пределах генерирующей идеи, появлявшейся в тот или иной период

человеческой жизнедеятельности [3]. Она бесконечно рождалась, формировалась, развивалась и шлифовалась в миллионах и мириадах разновекторных и разнохарактерных эпизодов человеческого общения, созидающего ни с чем не сравнимую духовную структуру языковой общности донбассовца. Казалось, так было и так будет всегда...

Однако конец второго тысячелетия внес свои коррективы в поступательную поступь региона. Межцивилизационные жернова истории представили миру новое видение человеческих взаимоотношений, уродливо обнажившихся на Юго-Востоке Украины. Этап субъективного отторжения сложившейся языковой истории после 1991 года ознаменовался попытками навязать ему идеологию и культурные ценности другой языковой истории – приоритеты западных регионов Украины: идеализацию унитарности, национальной ограниченности, культурной и языковой однотипности; политику превосходства «истинно украинской» конфессиональности, психологию сельского собственника, истеричного русофобства и идеологической нетерпимости. По мнению авторов такой доктрины, она должна была сплотить весь народ в едином порыве для строительства исключительного национального государства. Но произошло наоборот. В известном смысле этот этап превратился в антиэтап, противопоставивший идее развития Донбасса план его разрушения. Он был связан с попыткой узаконить авторитарный механизм управления, пренебрегающий сложившимся веками опытом незакнутой языковой истории.

Но в Донбассе так долго происходить не могло... Тысячелетний этап совместного многовекторного созидания не мог замениться точечным эпизодом – противопоставление украинской идеи другим культурно-языковым мирам сыграло злую шутку с самой украинской государственностью. Она превратилась в очаг нападков на ее унитарность. Доктрина исключительности, которая требовала непререкаемого подчинения ей всех и вся, разрушилась при активизации движения за федерализацию на Юго-Востоке. С этим не смогла смириться украинская управленческая элита, выросшая в условиях длительного отсутствия собственной государственности, обособленного национализма и воспитанная на примерах другой языковой истории. Ей виделся в стремлении к федерализации призрак сепаратизма, хотя, на самом деле, новое видение развития было продиктовано попыткой вырваться за пределы изолированной унитарности и национально-языковой исключительности. Незнание языковой истории Степи родило у политической элиты Украины

вместо выработки плана пересмотра методов управления многонациональным регионом идею его насильственной «подгонки» под «стандарты титульной нации». Сработал инстинкт самосохранения средневекового американского колониста – внедрить в сознание украинских граждан мысль об уникальности украинской идеи любой ценой.

Но пренебрежение языковой историей дорого стоило прежде всего самой Украине. Синдром неделимости государства, поддержанный штыками, в скором будущем изолирует его от цивилизованного мира, поскольку насильственное уничтожение Донбасса никак не сравнимо с уничтожением коренных индейцев Америки в средние века.

Парадокс Юго-Востока Украины состоит в том, что, в отличие от Америки, в многочисленных конфликтах, которые происходили на донецкой земле, никто никого не уничтожал и никакие народы никуда бесследно не исчезали. «Соотношение сил, существовавшее между англосаксонскими американцами и индейскими туземцами, было совсем иное, нежели между украинским и тюркскими народами. В случае Америки движение экспансии на запад было непрерывным и бесповоротным. Зато в случае Украины граница на протяжении веков колебалась то в одну, то в другую стороны. Славянская хлеборобская колонизация неоднократно шла в сторону Дикого поля, пытаясь стать твердой ногой на берег Черного моря; это были завоевания как плуга, так и меча. Однако эти передовые позиции земледельческой культуры периодически захлестывали волны номадизма» [2, с. 4-5].

Это были специфические войны за выполнение условий негласного договора о взаимопроницающем единстве Леса со Степью, земледельцев-славян с тюрками-кочевниками, обеспечивающего мощный, исполненный молодых амбиций экономический и культурный симбиоз наций и народностей степной зоны Юго-Востока, предоставивший безграничные возможности для их самосохранения и саморазвития. Впрочем, чувство самосохранения исключало попытки насильственного завоевания территорий. Языковая история Донбасса не знала идей унитарности, языковой и национальной исключительности, диктата и тем более резерваций, ограниченных блок-постами, пропусками, рвами и колючей проволокой. Вот почему соответствие государственного устройства и моделей государственного управления матрице развития языковой истории является сегодня главным условием и гарантом стабильности общественных отношений в Донбассе, объективным подтверждением

правильности его национальной, экономической и регионально-языковой политики.

Выводы

Исходя из того, что языковая история Донбасса изначально была связана со Степью и формировалась в условиях неограниченной во времени и пространстве внутренней свободы, самостоятельности в принятии решений, многоликостью конфессиональности, национально-языковой и поликультурной среды, сосуществующей в преимущественных реалиях коллективного труда и естественно выкристаллизованных нормах межнационального общения на основе русской, украинской и других языковых культур, можно предположить позитивный сценарий выхода региона из навязанного внешними реалиями кризиса. В этой созидательной поступи Донбасс не ограничен. Преодолевая время и пространство, он готов вступить в новый цивилизованный этап своего развития.

Прогнозируемые, открытые и прозрачные действия новой управленческой элиты (а не выкачивание промышленных, финансовых и людских ресурсов), политика взаимной помощи, взаимообогащения и взаимной выгоды (а не полувоенного диктата олигархов), разрушение неприемлемых для бывшего Дикого поля пограничных и ведомственных барьеров, понимание сути и масштабности новой эпохи и новых управленческих механизмов способны превратить молодую донецкую государственность в полигон для моделирования современных экономических и гуманитарных отношений в открытой цивилизации народов и личностей [3; 5].

Библиографический список

1. Гринин Л. Е. Личность в истории: Эволюция взглядов / Л.Е. Гринин // История и современность, № 2 (12), сентябрь 2010. – с. 3-44.
2. Лысяк-Рудницкий И. Историчні есе. / І. Лисяк-Рудницький // В 2 т. Том 1. / Пер. з англ. М. Бадік, У. Гавришків, Я. Грицака, А. Дешиці, Г. Киван, Е. Панкесвої. – К.: Основи, 1994. – 554 с.
3. Мозговой В.И., Ляшенко В. Г. Там, где было Дикое поле... Очерки истории Донецкого края / Мозговой В. И., Ляшенко В. Г. // Общая ред, предисловие, составление приложений – В. И. Мозговой. – Донецк : Фирма “Кардинал”, 2001. – 336 с.
4. Мозговой В.И. Русская культура в украинском языковом контексте. Политика и реальность / В.И. Мозговой. // Вестник Российского университета дружбы народов. Научный журнал // Серия «Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания» – 2010, № 3. – С. 163-168.

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ДОНБАССА

5. Мозговий В.І. Донеччина. Долаючи час і простір / В.І. Мозговий, В.П. Безродний; заг. ред., розд. «Вступ в історію», «Історія»; пер. укр. і рос. мовами В.І. Мозгового. – Донецьк: Донбас, 2010. – 320 с.

6. Райнер Лінднер. Підприємці і місто в Україні, 1860-1914 рр. (Індустріалізація і соціальна комунікація на Півдні Російської імперії) / Лінднер Райнер. // Переклад з німецької мови – за ред. О.М. Доніка. – Київ – Донецьк : ТОВ «ВПП «ПРОМІНЬ», 2008. – 496 с.